

С л о в о,

сказанное на заупокойной литургіи, въ день погребенія высокопреосвященнаго Теофноста, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, ректоромъ Кіевской духовной семинаріи архимандритомъ Θεодосіемъ, 28 января 1903 года.

*Любы николиже отпадаетъ.
(1 Кор. 13, 8).*

Великая и глубоко-отрадная для скорбящаго чело-вѣчества истина выражена въ этихъ немногихъ словахъ, сказанныхъ св. апостоломъ, болѣе другихъ испытавшимъ въ своей жизни скорбей и печалей! Любовь къ Богу и Его закону, любовь къ ближнему, вотъ что утѣшаетъ и укрѣпляетъ cadaго изъ насъ въ самыя тяжелыя минуты нашей жизни. Взгляните, отцы и братіе, на сына потерявшаго отца, вскормившаго и воспитавшаго его... Полный грусти и безысходной тоски, стоитъ онъ у гроба, содержащаго въ себѣ бранные останки того, кто далъ ему жизнь, взлелѣялъ и вскормилъ его. Внѣшнія чувства внушаютъ ему, что почившій—нѣчто уже чуждое, навѣки отъ него оторванное, что разбито то, что связывало его съ нимъ. Но любящее и вѣрующее сердце говорить

ему иное: не можетъ окончательно порваться со смертъю нить, связывающая его съ тѣмъ, кто былъ такъ дорогъ для него при жизни... И какъ отрадно тогда слышать обладающимъ такимъ сердцемъ изъ устъ великаго глашатая истины: не смущайтесь и не печальтесь, есть союзъ между любимыми и любящими, не поддающийся наблюденію внѣшнихъ чувствъ, несравненно высшій и крѣпльшій всѣхъ земныхъ и кратковременныхъ привязанностей, онъ не можетъ быть расторгнутъ и по смерти: это союзъ любви, которая, не прекращаясь въ этой жизни, перейдетъ и въ вѣкъ будущій...

Дорогой Архипастырь и отецъ нашъ, безсмертнымъ духомъ своимъ предстоящій пынѣ престолу вѣчнаго Судіи! Осиротѣвшая паства твоя, въ лицѣ знатныхъ и худародныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и юныхъ чадъ церкви Кіевской, въ молитвенной скорби и глубокомъ уныніи окружаетъ дорогіе для нея останки твои. Тяжело и больно ей; нѣмой укоръ шлетъ она мрачному сѣверному небу, такъ неожиданно и безвременно отнявшему тебя отъ нея,—но вмѣстѣ съ тѣмъ она твердо уповаетъ, что ты, прервавши съ нею земныя сношенія, заключивши для рѣчи земныя своя уста, возглаголешь о ней предъ престоломъ Всевышняго устами духовными на языкѣ той любви, которая вѣчна и которой ты былъ избраннымъ сосудомъ.

И мы вѣримъ, что такое упованіе наше не посрамить насъ. Поручкой тому вся жизнь твоя, почившій Архипастырь, исполненная любви, и кротости, смиренія и снисходительности къ ближнимъ отъ дней юности твоей.

Въ тѣ далекіе годы, которые памяти большинства изъ живущихъ представляются годами веселія и беззаботности, на почившаго Архипастыря Промысломъ возложенъ былъ крестъ сиротства. Почившій рѣдко касался въ разговорахъ того тяжелаго для него времени, когда, будучи безпріютнымъ сиротой, онъ не только себя долженъ былъ поддерживать, но и удѣлять крохи юнѣйшимъ себя и еще болѣе его нуждающимся братьямъ и сестрамъ. Но несмотря на личныя невзгоды и нужды, онъ не только не утратилъ любви къ ближнимъ, но, къ счастью для себя и для тѣхъ, кому ему пришлось служить и кѣмъ управлять, изъ этихъ печальныхъ лѣтъ онъ вынесетъ ту горячую любовь къ ближнимъ, то сочувствіе къ истинному горю и дѣйствительной нуждѣ, которыя стали началами всей его дальнѣйшей христіански-самоотверженной жизни. Все для церкви и паствы и ничего для себя—вотъ житейское правило, которое руководило покойнымъ во всѣхъ его дѣяніяхъ. Дивиться ли послѣ сказаннаго, отцы и братья, тому, что постепенное восхожденіе отъ силы въ силу почившаго было вмѣстѣ постепеннымъ расширеніемъ круга его добродѣланія и озаренія любовью всего окружающаго. Знали Владыку Беогноста, какъ отца сирыхъ и убогихъ, обиженныхъ и гонимыхъ, и благодатная Подолія, и далекое Поволожье, и славные историческимъ прошлымъ—Владиміръ и Новгородъ. Съ радостью встрѣчали его, и съ глубокою скорбью разставались съ нимъ преемственно ввѣрявшіеся ему паствы. Рѣдкое въ нашъ вѣкъ сочетаніе въ лицѣ почившаго любви и правды, истины и милости, производило то, что всюду, гдѣ ни приходи-

лось ему нести бремя управленія церковію, это брем было тяжелымъ для него одного, но не для лицъ его окружавшихъ: всюду его христіанская любовь предупреждала, исправляла, а чаще всего покрывал невольныя и даже вольныя прегрѣшенія сотруди ковъ. Съ ореоломъ „добраго пастыря, полагающаго душу свою за овцы своя“, пришелъ почившій, по слушный указанію свыше, и въ стѣны сего града : въ стѣны сей святой обители, гдѣ нѣкогда пріяла благодать архіерейства. Яркій свѣтильникъ вѣры и любви былъ передвинутъ въ большую храмину, что бы и ее осіявать тѣмъ тихимъ и кроткимъ свѣтомъ какимъ осіявалъ онъ прежнія храмины. Молитвенныя вопль воздававшихъ послѣднюю дань приснопамят ному Владыкѣ Іоанникію былъ услышанъ: въ лицѣ Владыки Теофиота Господь воздвигъ мужа благопо требнаго на осиротѣвшій святительскій престолъ.

Непродолжительно было, по волѣ Божіей, среди тебя, паства Кіевская, трудничество почившаго Архи пастыря; многое, весьма многое изъ посѣяннаго имъ на нивѣ Кіевской, не успѣло еще дать духовнаго ростка; какъ и на многихъ другихъ великихъ цер ковно-историческихъ дѣятеляхъ, на Владыкѣ Тео фистѣ оправдались слова Господа и Спасителя на шего: „инъ есть сѣяй, инъ есть жнй“ (Іоан. 4, 37) Но и здѣсь, на кааедрѣ древнѣйшей митрополіи, по чившій явилъ себя заботливымъ, внимательнымъ и попечительнымъ Архипастыремъ. Желаніе все са мому видѣть, знать, чтобы затѣмъ правильно и без пристрастно судить о нуждахъ своихъ новыхъ пасо мыхъ, побуждало почившаго къ непосильнымъ и— скажемъ не обвинуясь—сверхъ-должнымъ трудамъ.

Апостольская ревность почившаго не знала границъ; изможденный трудами и подвижничествомъ, онъ предпринимаетъ объѣзды городовъ и весей врученной ему Богомъ паствы, „горя, подобно апостолу, *многимъ желаніемъ видѣти лице тѣхъ, которые не тѣсно умищались въ его сердце*“ (I Сол. 2, 17; 2 Кор. 6, 12). Приблизившись самъ къ паствѣ, Владыка Теогностъ и ее приблизилъ къ себѣ: понесла она къ нему и свои радости и свое горе, какъ дѣти несутъ къ своему любимому отцу; раскрыла она ему тайная сердца своего, какъ доброму и внимательному врачу. Поистинѣ очи всѣхъ обездоленныхъ и обиженныхъ судьбою и людьми, *зряще бяху* на Владыку Теогноста. И онъ оправдалъ надежды своихъ духовныхъ чадъ, обнялъ ихъ своею любовью, прилагалъ милость на милость, зная, что нѣтъ и не должно быть предѣла всепрощенію христіанскому. Не полагалъ онъ различія между членами своей паствы; для каждого изъ нея были открыты двери его дома, каждый получалъ возможную помощь и посильный совѣтъ.

Но преимущественнымъ предъ прочими членами паствы Кіевской вниманіемъ и любовью отпедшаго отъ насъ Архипастыря пользовались, отцы и братіе, тѣ изъ его чадъ, отъ правильного религіозно-нравственного роста которыхъ зависитъ будущее церкви, общества и государства—чада сердца его—подростающее молодое поколѣніе епархіи. Ангельски-чистая душа почившаго Архипастыря искала общенія съ неиспорченною еще житейскимъ зломъ частью его обширной паствы. Не было примѣра, чтобы почившій отказалъ въ желаніи видѣть его на школьномъ ученическомъ празднествѣ; нерѣдко самъ онъ устраивалъ

такія празднества, только бы быть ближе къ дѣтямъ „Оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не браните ихъ (Мр. 10, 14), говорилъ онъ, по примѣру Великаго Пастыреначальника, всѣмъ тѣмъ, кто приставленъ былъ къ святому дѣлу обученія и воспитанія юнѣшихъ чадъ его паствы; я самъ хочу видѣть ихъ знать ихъ нужды и потребности. Такъ любить учащихся, такъ вникать въ ихъ бытъ, такъ стремиться и встрѣчу ихъ истиннымъ нуждамъ могъ только тотъ кто и самъ болѣлъ сердцемъ и нуждался во всемъ въ былые годы своей школьной жизни.. И какъ, бывало, радовался почившій Архипастырь, слыша о любимыхъ имъ чадахъ, что они „во истинѣ ходятъ“ (3 Іоан. 1, 4), оправдывая его заботы и надежды „Слава Богу, слава Богу!“! шептали тогда его старческаго уста, аскетическое лицо озарялось въ эти минуты доброю старческою улыбкою, и щедрія жертвы обильно изливались на матеріальныя и духовныя нужды учащихся.

Такого Архипастыря и отца лишилась нынѣ отцы и братіе, паства Кіевская въ лицѣ блаженно почившаго митрополита Теофноста! Приложился къ отцамъ своимъ мужъ, который не только не дѣлалъ но и не мыслилъ зла; который былъ украшеніемъ церковей преемственно вѣряемыхъ ему Богомъ, столпомъ и утвержденіемъ православной истины, твердой вѣры во Христа, стражемъ отеческихъ постановленій, яркимъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать и въ нынѣшнее время пастырь, радующійся радостями своей паствы и скорбящій ея скорбями.

Приникните же въ эти послѣднія минуты, дѣти, ко одру Отца; приникните не тѣлеснымъ, но духов-

нымъ вашимъ слухомъ, и выслушайте, что передаетъ онъ, какъ завѣщаніе, вамъ, такъ горячо любимымъ имъ при жизни. Не многословна послѣдняя священная воля почившаго, но исполнившій ее исполнить весь законъ Христовъ. „Подражатели мнѣ бывайте, яко же азъ Христу“ (I Кор. II, I) и его апостоламъ, дерзновенно говорить онъ намъ; соревнуйте моимъ мѣрамъ въ дѣлѣ устроенія царствія Божія на землѣ: будьте образцами въ словѣ, въ жизни, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ, а больше и паче всего въ любви. которая никогда не престае.

„Держитесь любви“ (I кор. 14, I): она единственно-надежный якорь для буруемаго житейскими волнами церковнаго корабля.—Аминь.
